

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ЖАНДАРМЕРИИ
(на материалах Енисейской губернии, 1881 – 1917)
Д. А. Бакуит**

**THE INTERACTION OF POLICE AND GENDARMERIE
(as revealed in the materials of Yenisei province, 1881 – 1917)
D. A. Baksh**

Цель статьи – определить характер и сущность взаимоотношений двух правоохранительных структур системы МВД (полиция и жандармерия), дислоцированных на территории Енисейской губернии в 1880 – 1917 гг. Автором проанализировано законодательство о полиции и жандармерии Сибири, материалы их делопроизводства и статистика следствия и дознания. Сделано заключение, что, несмотря на принадлежность данных структур к МВД и наличие необходимой законодательной базы, целостная региональная правоохранительная система не была сформирована. Отмечаются административные препятствия к интеграции: сохранение соподчиненности жандармерии Военному министерству, вмешательство в функционирование данных органов генерал-губернатора и управления Сибирского жандармского округа (до 1902 г.), противоречивые позиции по вопросу о полиции профильных министерств и Думы. Выявлена региональная специфика. Во-первых, размеры территории Енисейской губернии не соответствовали плотности населения региона, поэтому штаты полиции, зависевшие от численности населения, не отвечали своим задачам. Во-вторых, в регионе существовала массовая политическая ссылка, поэтому при малочисленности полиции и жандармерии осуществление надзора приводило к более тесному сотрудничеству в различных формах: от простых оперативных действий до региональных совещаний.

The purpose of this paper is to define the essence of the relations between the two law enforcement bodies of the Ministry of the Interior (police and gendarmerie) in Yenisei Province in 1880 – 1917. The author analyzed the legislation on Siberian police and gendarmerie, their paperwork and statistics of pretrial procedures (investigations and inquiries). It was concluded that, despite the affiliation of these structures to the Ministry of Internal Affairs and the availability of the necessary legislative framework, the integrity of regional law enforcement system was not been formed. There were some administrative barriers to integration: the preservation of gendarmes' subordination to War Ministry; the Governor-General and governance of the Siberian District Gendarmerie (up to 1902) interfering with the functioning of these bodies; the contradictory positions of ministries and the Duma on the police question. Regional specificity was identified. Firstly, the size of Yenisei Province territory did not meet the population density of the region, so the police staff, which depended on the population, were unable to meet their stated objectives. Secondly, there was massive political exile in the region, so since the number of police and gendarmerie was small, supervision led to closer collaboration in various forms: from simple operative actions to regional meetings.

Ключевые слова: полиция, Отдельный корпус жандармов, Енисейская губерния, Департамент полиции, Сибирь.

Keywords: police, Special Corps of Gendarmes, Yenisei province, Police Department, Siberia.

Проблема взаимоотношений между полицейскими институтами на завершающем этапе существования российской монархии сформулирована в историографии относительно недавно. В досоветский период изучение характеризовалось закрытостью большей части материалов, в советский период – идеологическими рамками и иными исследовательскими приоритетами. Поэтому чаще всего полиция и жандармерия воспринимались как единое целое. Благодаря открывшимся полицейским архивам и выходу работ, главным образом, посвященных органам политического сыска (З. И. Перегудова, Ю. Ф. Овченко и др.), понимание сложности процесса взаимодействия этих двух структур стало более адекватным. Региональные исследования показали, что в различных частях империи существовали сложности в их взаимоотношениях, которые обуславливались рядом субъективных и объективных факторов [1; 30]. Появилась и крайняя точка зрения, согласно которой между полицией и жандармерией всегда существовал некий вялотекущий ла-

тентный антагонизм, проявлявшийся через отдельные конфликты [35, с. 36].

В статье рассматривается процесс взаимодействия двух структур на примере одного из сибирских регионов – Енисейской губернии. Железнодорожная жандармерия, несмотря на ее принадлежность к Отдельному корпусу жандармов (ОКЖ), была особым образованием. Выяснение позиции этой структуры в общей системе исполнительной власти (и в жандармском корпусе, в частности) является самостоятельной проблемой и требует отдельного изучения. Цель статьи – определить характер и сущность взаимоотношений двух правоохранительных структур системы МВД (полиция и жандармерия), дислоцированных на территории Енисейской губернии в 1880 – 1917 гг.

В 1826 – 1880 гг. в России существовала особая коронная служба – III отделение императорской канцелярии, целью которой была борьба с противниками монархии. Её исполнительным органом в регионах был ОКЖ, в составе которого были губернские жан-

дармские управления (с 1867 г.; в Енисейской губернии – Енисейское губернское жандармское управление, ЕГЖУ), железнодорожные отделения (с 1861 г.), дивизионы, крепостные и конные команды в ряде городов. Они были обособлены от провинциальной системы управления, хотя военизированный характер структуры жандармерии определял ее как часть армии. Следовательно, по строевым и хозяйственным вопросам она была включена в военно-окружную систему.

Политический кризис в конце 1870-х гг. спровоцировал реформу полиции. III отделение было ликвидировано (1880 г.), а общая полиция и ОКЖ были объединены в Департамент государственной полиции (с 1883 г. – Департамент полиции, ДП МВД) в рамках МВД. Однако после внезапной смены монарха полное слияние двух полицейских структур было приостановлено.

Проблема интеграции жандармерии в региональную полицейскую систему в 1880 – 1904 гг. на территории Енисейской губернии характеризовалась следующими аспектами.

1. Наличие генерал-губернаторской и жандармско-окружной систем управления. Генерал-губернатор Восточной Сибири был главой одноименного военного округа, а сохранение соподчинения ОКЖ Военному министерству ставило вопрос о том, чем являлся Корпус – армейским подразделением или органом МВД.

Усложняло ситуацию существование до 1902 г. Сибирского жандармского округа, централизованного органа оперативного управления региональными жандармскими управлениями. Смена главы округа приводила к изменению позиции провинциальных жандармских начальников по отношению к генерал-губернаторам: Н. И. Александров (руководил округом в 1886 – 1895 гг.) внушал идею автономности жандармов, а И. Н. Познанский (руководил округом в 1895 – 1897 гг.) считал, что они «подчинены во всех отношениях и безусловно» региональным властям [7, л. 50 – 53]. Исходя из этих соображений, оценивались результаты работы губернской полиции: Н. И. Александров все её просчеты ставил в вину губернаторам, а Н. И. Познанский – жандармским офицерам [7, л. 87 – 88]. Упразднение жандармского округа дало региональным структурам ОКЖ большую самостоятельность в выстраивании взаимоотношений с другими институтами исполнительной власти.

2. Слабое, по сравнению с центральными регионами империи, развитие революционного движения. Крупных нелегальных организованных групп в Енисейской губернии до проведения Сибирской железной дороги не существовало. Поэтому закон 19 мая 1871 г. (наделял жандармов правом производства дознания по «государственным преступлениям») в Сибири был введен только с октября 1880 г. [27, с. 274]. Как видно из таблицы, ЕГЖУ до 1904 гг. не было перегружено подобными расследованиями.

Таблица

Динамика производства дознаний в ЕГЖУ (1883 – 1904)*

Инициатор дознания	Количество завершенных дел по «государственным преступлениям» (ед.)				
	1883 г.	1885 г.	1896 г.	1904 г.**	1914 г.
ЕГЖУ	24	13	4	86	24
Другие институты	28	5	15		12
Всего	52	18	19		36

Примечания: *составлено по: ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1а. Л. 75 – 76; Д. 270. Л. 3, 37; Д. 271. Л. 21.

** нет уточняющих данных по инициативе дознания.

Поэтому енисейские жандармы в конце XIX в. могли уделять внимание пресечению побегов ссыльных, борьбе с нарушением паспортного режима и выполнять функции общей полиции. Ст. 261 «Устава уголовного судопроизводства» [34, т. 16, с. 411] давала определённые права: они были обязаны сообщать прокуратуре или полиции о фактах нарушения закона, имели право задерживать подозреваемых на месте преступления. Прокурор мог привлечь жандармских офицеров как дознавателей по уголовным делам. Только за 1892 г. унтер-офицеры ЕГЖУ открыли несколько тайных винокурен, задержали 4 воров, 2 бродяг и 1 фальшивомонетчика [8, л. 4 – 5].

На всем протяжении изучаемого периода обе структуры страдали от малочисленности: в губернском городе Красноярске к 1906 г. состояло 80 человек полицейских и 17 жандармов, что при населении около 50 тыс. человек было явно неудовлетворительным. По закону 1887 г. штаты общей полиции были привязаны к численности населения (не более

5 городских в городах с численностью населения до 2 тыс. человек и 1 городской на 500 жителей в более крупных центрах) [31, с. 457]. Сыскные отделения (с 1906 г.) могли быть открыты в наиболее крупных населенных пунктах, а их штаты зависели от разряда, определяющегося численностью населения [36, с. 91]. Енисейская губерния, несмотря на свои размеры, имела низкую по сравнению с европейскими регионами России плотность населения.

Кроме того, решить проблему малочисленности специальными распоряжениями было затруднительно: жандармы находились на балансе двух министерств, поэтому открытие каждой вакансии сопровождалось большими издержками и изменениями многочисленных смет. Штаты более дешевых для казны полицейских с 1905 г. проходили через утверждение Думой. При таких условиях сибирские регионы находились ни в первой очереди на финансирование новых вакансий.

3. *Зависимость жандармерии в реализации гласного и негласного надзора* была следствием малочисленности кадровых чинов ОКЖ. До Первой русской революции полиция в оперативной работе опиралась на два акта (с 1882 г.): «Положение о полицейском надзоре» (опубликованное) и «Положение о негласном надзоре полиции» (секретное). Первый был связан с административной мерой пресечения, применявшейся к высланным различных категорий: общая полиция была обязана собирать сведения и предоставлять их по первому требованию жандармского управления.

Второй акт связан с осуществлением секретного наблюдения за лицами, которых исполнительная власть подозревала в нелояльности, но предъявить обвинения не могла. «Положение о негласном надзоре полиции» действовало в Сибири только в 1889 – 1904 гг. [6, л. 140 – 144]. Из-за отсутствия у ЕГЖУ отдельной службы наружного наблюдения и постоянной сети осведомителей реализация «негласного надзора» перекладывалась на кадровых жандармских унтер-офицеров и полицейских. По косвенным данным можно уверенно заключить, что общая полиция полностью сосредотачивалась на «гласном» надзоре, а жандармы – на «негласном».

4. *Зависимость жандармерии в производстве обысков и арестов.* Собственных сил из числа кадровых унтер-офицеров ЕГЖУ не хватало, поэтому стали возникать случаи либо совместных операций, либо операций силами общей полиции.

На рубеже веков изменилась общественно-политическая ситуация в Енисейской губернии. В 1900 г. в Красноярске была впервые проведена забастовка железнодорожных рабочих [29, с. 281]. Это стало регулярным явлением с тенденцией роста и развития. Усугубившийся политический кризис в стране отразился и на регионе, достигнув своего апогея в декабре 1905 – январе 1906 гг. во время красноярского восстания рабочих депо и мастерских и примкнувших к ним солдат железнодорожного батальона. Власть перешла в руки образовавшегося Совета, а полиция и жандармерия были разоружены и нейтрализованы. Случаи нападения на должностных лиц даже после подавления «республики» не прекращались. Только в конце 1906 – 1907 гг. было убито не менее 10 человек: полицейские, жандарм, начальник тюрьмы и командир гарнизона [24, л. 3 – 125; 25, л. 1 – 14; 26, л. 1 – 32 об.]. Это наглядно показало органам правопорядка, что они находятся в одинаковом положении перед революционной угрозой.

С 1908 г. в Красноярске появились сыскное отделение (уголовный розыск) и розыскной пункт (политический сыск). Была организована служба наружного наблюдения («филёры») и агентурная сеть при ЕГЖУ. В 1912 г. в Енисейском уезде сформировался Енисейский розыскной пункт (ЕРП). Это усилило полицейские службы, с одной стороны, и увеличило независимость политической полиции – с другой.

На высшем уровне декларировалась необходимость консолидации органов МВД, особенно при П. А. Столыпине. Во многих своих исходящих документах в регионы он подчеркивал единство целей и интересов всех подразделений МВД. Например, в ию-

ле 1907 г. он телеграфировал губернаторам и жандармам: «При докладе моем ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о <...> исполнения своего долга чинами полиции и Отдельного корпуса жандармов, <...> ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, выразил свое удовольствие по поводу <...> доблести общей и жандармской полиции» [10, л. 65]. Эта же позиция была продекларирована в первом номере «Вестника полиции» (ведомственное издание МВД). Впервые публично на страницах печати власть дала равную положительную оценку обеим структурам («труженики» на опасном посту) [2, с. 4].

Как следствие развития революционного движения наметились и *новые аспекты сотрудничества.*

1. *Контроль над реализацией режима политической ссылки.* Расширение практики использования ссылки в Сибирь как политической репрессии привело к увеличению контингента поднадзорных. По сути, «гласный» надзор полиции превратился в форму контроля только ссыльных. В ноябре 1908 г. под надзором находилось 559 человек (не считая 133 бежавших), а к весне 1909 г. планировалось разместить в северных уездах губернии еще 327 человек [23, л. 41 об.]. Сохранение прежних штатов и увеличение нагрузки правоохранительных органов сделали невозможным удерживать ссыльных в предписанных местах. Это обстоятельство обратило внимание А. А. Макарова (товарищ министра внутренних дел в 1906 – 1909 гг.), возложившего ответственность на енисейского губернатора [10, л. 159 – 160].

Кризис проекта концентрации политической ссылки в северных районах Сибири выразился в «Туруханском бунте» (зима 1908 – 1909 г.), когда небольшая банда нейтрализовала весь полицейский аппарат края и разграбила Туруханск. «Бунт» был подавлен только специальной воинской экспедицией. Стало очевидно, что беглые ссыльные подпитывали (а зачастую и формировали) местное революционное движение при неадекватном штате аппарата подавления.

Получила свое развитие практика межведомственных полицейских совещаний на уровне уездов. Например, весной 1913 г. была получена информация о подготовке к массовому побегу из Нижнего Приангарья. Городские и уездные полицейские совместно с В. Ф. Железняковым (заведующий ЕРП в 1912 – 1915 гг.) провели совещание в Енисейске, составив план по пресечению этой акции: расставить дополнительные силы по двум возможным маршрутам, увеличить наёмную стражу, централизовать выдачу проходных свидетельств, незаметно изменив делопроизводственную систему их регистрации.

18 июня 1914 г. по вопросам ссылки состоялось региональное совещание под председательством исполнявшего обязанности губернатора Б. В. Писаренкова. На нем присутствовали чиновники губернского управления, 3 офицера ЕГЖУ, тюремный инспектор, уездный и городской исправники Канска. При признании того, что «ссылка ... является пережитком времени», собрание решило значительно сократить долю поднадзорных в Канском уезде, переместив их в Енисейский уезд и расселяя более концентрированно, чем прежде [20, л. 26 – 27]. С начала Первой мировой войны и до падения монархии практика проведения

совещаний продолжалась, но она касалась ещё и вопросов о военнопленных и выработке мер по предотвращению массовых беспорядков (начиная с 1916 г.) [5, л. 4 – 26].

Помимо этого, ЕГЖУ периодически делегировало полиции обязанности по исполнению отдельных следственных запросов жандармских органов из других регионов. Из-за организации массовой политической ссылки увеличиваются контакты с полицией северных уездов губернии. Ей передавались незначительные следственные поручения по выполнению требований из жандармских органов других регионов: 2 раза в 1909 г., 5 раз в 1910 г., 3 раза в 1911 г. и 1 раз в 1914 г. [14].

2. Проведение совместных оперативных мероприятий. С 1906 г. наблюдается тенденция к более тесному оперативному взаимодействию ЕГЖУ и полиции. Поскольку первоначально отличить экспроприацию от уголовного грабежа было сложно, жандармы совместно с казаками и полицией участвовали как в незапланированных преследованиях налётчиков [26, л. 18 – 18 об.], так и в засадах. Совместные операции проходили, в основном, в Красноярске и сопровождалась предварительным совещанием начальника ЕГЖУ, полицмейстера, казачьего сотника и прокурора [26, л. 29 – 32].

В уездах совместные акции были затруднительны вследствие малочисленности жандармов и рассредоточенности полиции. Поэтому ЕГЖУ ограничивалось предоставлением информации. Подобная позиция не всегда приводила к положительным результатам. В мае 1907 г. красноярскому уездному исправнику было сообщено о предстоящем налёте крупной группы анархистов (15 человек) на Знаменский мужской монастырь. Реакции на это не последовало, поэтому нападение прошло успешно. Губернатор не стал оправдывать бездействие своих подчиненных, а ликвидацию группы провели сами жандармы в Красноярске [25, л. 4 – 17]. Поэтому, когда в том же году пришло сообщение исправнику о готовящемся нападении на винную лавку в с. Частоостровском, оно дублировалось и губернатору [24, л. 141 – 141 об.].

В дальнейшем факты содействий жандармами полицейским в рамках 261 статьи имели тенденцию роста: если в 1909 г. их было зафиксировано 14, в 1913 г. – 34, а в 1914 г. – 54 [13, л. 12 об. – 13; 15, л. 6 – 37]. В основном, ЕГЖУ и полиция контактировали в Красноярске (5 – в 1909 г. и 45 – в 1914 г.). Менялось качество этого сотрудничества. В 1909 г. 8 из 14 инициатив исходило от офицеров (остальные – от унтер-офицеров), в 1913 г. – 30 из 34, и в 1914 г. – 52 из 54. Это говорит о том, что имело место не столько пресечение преступлений или выполнение функций по поддержанию порядка, сколько проведение дознания и снабжение конкретной агентурной информацией.

С началом Первой мировой войны содействие полиции со стороны жандармских унтер-офицеров становится системным, так как это связано и с премиями, и с увеличением нагрузки на полицию. Если в 1915 г. губернское управление перевело ЕГЖУ (за поимку беглых) 282 руб., а управление акцизными сборами (за раскрытие нелегальных винокурен) – 10 руб., то в 1916 г. эти цифры составляли 384 и 230,4 руб. соот-

ветственно. В начале 1917 г. до падения монархии поступления жандармерии от этих двух ведомств составляли 6 и 116 руб. [21, л. 18 – 73; 22, л. 2 – 79; 23, л. 1 – 7].

3. Привлечение общей полиции к производству дознаний о «государственных преступлениях». Жандармерия во время развития революционного и общественного движения передавала полиции дела к дознаниям по ст. 103 «Уголовного уложения» (введено в 1904 г.), наказывающей за заочное оскорбление члена правящей династии. Под эту статью чаще всего попадали сельские и городские обыватели, каким-либо образом высказавшие критику (или шутку) в адрес монарха. К концу апреля 1905 г. таких дознаний у минусинской и ачинской полиции было 8 (2 ссыльных, 1 мещанин и 5 крестьян), у канской – 4 (4 крестьянина), по одному у Красноярского уездного и Минусинского горного исправников (крестьянин и «инородец») [19, л. 20 – 36 об.]. По данным Б. И. Колоницкого в 1911 г. в империи около 80 % из числа обвиняемых по данной квалификации были крестьяне [9, с. 44 – 45].

Источником информации для возбуждения дел по статье 103 «Уголовного уложения» являлись доносы. Недостаточная компетентность и крайняя субъективность уездной полиции зачастую приводили к некорректному применению закона. Поэтому процедуры проверки жандармским офицером наличия состава преступления и отказа в возбуждении дознания были прописаны в пункте 10 статьи 1035 «Устава уголовного судопроизводства» [33, т. 16, с. 469 – 470]. Невозможно дать статистику таких «отказов», поскольку они не фигурировали в отчетах какой-либо формы, а фиксировались отдельным уведомлением в прокуратуру по каждому случаю.

Из сохранившихся первичных бланков проверок за 1916 г. [12, л. 1 – 130] можно лишь заключить, что подобная процедура не была экстраординарной. Все обвинения инкриминировали статью 103 «Уголовного уложения» на основании доносов. Оказывалось, что они базировались на бытовых конфликтах крестьян. С февраля 1916 по январь 1917 г. было проведено 11 жандармских проверок по обвинениям, касавшимся 13 человек (3 ссыльных, остальные – крестьяне). Таким образом, ЕГЖУ не оставляло эти дела без своего контроля.

Однако жандармерия передавала часть своих функций полиции только в малозначительных делах. В действиях, связанных с чрезвычайными законами, она тщательно оберегала свою лидирующую позицию. «Положение об охране» 1881 г. и «Правила местностей, объявленных на военном положении» 1892 г. упрощали процедуры преследования оппозиции в обход «Судебных уставов». В Енисейской губернии реализация этих документов была связана с ликвидацией волнений и саботажа на железной дороге в период Русско-японской войны, борьбой с крестьянскими бунтами в Минусинском уезде в период Первой революции.

Жандармы старались сохранить за собой инициативу. Например, в 1908 г. ачинский уездный исправник арестовал на основании «Правил...» 1892 г. М. Я. Манчевского. Енисейский губернатор попросил

начальника ЕГЖУ провести проверку дела. При работе с материалами жандармы обращали внимание даже на незначительные упущения, сделав заключение о некорректных действиях полиции Ачинска. В дальнейшем необходимость ограничения инициативы полиции в подобных делах проходили рефреном в различных бумагах на имя губернатора. Добиться соответствующего указания удалось только в 1915 г. после грубых нарушений закона в ходе арестов, инициированных минусинской уездной полицией [3, л. 37 – 39; 4, л. 83, 85].

Сохранились сведения, дополняющие характеристику взаимоотношений ЕГЖУ и полиции. Так, в 1910 г. жандармские агенты из почтовой службы сообщили о прибытии посылки из Гродно сырьному Паскевичу. Об этом был уведомлен помощник начальника ЕГЖУ в Енисейске, который, в свою очередь, сообщил становому приставу. Последний неосторожно показал свою осведомленность на допросе Паскевича. После этого инцидента начальник ЕГЖУ запретил сообщать полицейским сведения с грифом «лично» или «совершенно секретно» [21, л. 5]. Другой подобный случай произошел в Красноярске двумя годами позже. Начальник ЕГЖУ сообщил губернатору, что просителям, подававшим заявление на выдачу справки о политической благонадежности в полицию, стали дословно известны отзывы, даваемые на них жандармерией в служебной переписке. Это было признано губернатором «безусловно, недопустимым» в циркуляре губернского управления от 7 января 1912 г. [11, л. 40 об.].

Были зафиксированы несколько примеров расследований жандармами по действиям полиции. Так, в 1911 г. было два разных по содержанию факта: избивание и ранение в селе Кежемское урядника, находившегося в нетрезвом состоянии; и выпуск из места предварительного ареста («каталажка») сырьного Н. Н. Собанчева. В первом случае расследовалось небрежное отношение к службе, во втором – принадлежность полицейского к «тайному сообществу» [16, л. 5 – 5 об., 14]. Не представляется возможным выяснить, что лежало в основе приведенных фактов. Но, так или иначе, жандармы были невысокого мнения о способностях своих коллег. Например, 31 января 1913 г. В. Ф. Железняков иронично писал о туруханском отдельном приставе Кибирове с цитированием его отношения в ЕРП, что один из сырьных скрылся в Париже, из-за чего полицейский не знал, «как поступить с задержанием» [22, л. 13 – 14].

Сложность взаимоотношений жандармерии и полиции в регионах были известны в столице. Однако было два фактора, из-за которых высшая бюрократия не меняла сложившихся механизмов.

Литература

1. Бойко С. И. Взаимодействие правоохранительных органов Российской империи в борьбе с антигосударственной деятельностью в 1880 – 1904 гг. (на примере Казанского губернского жандармского управления) // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 4. С. 59 – 62.
2. Вестник полиции. 1907. № 1.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 5807.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7204.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7205.
6. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.

Во-первых, это конфликт межведомственных интересов: полная инкорпорация жандармерии в МВД привела бы к умалению роли Военного министерства и Генерального штаба, которые насыщали кадрами ОКЖ. Одновременно это создало бы ситуацию, когда ДП МВД стал бы «министерством в министерстве».

Во-вторых, объединение полиции и ОКЖ на любых условиях привели бы к потере независимости последнего по отношению к региональной власти. А это значительно бы ослабило контроль центрального правительства над провинциями и их руководителями. Поэтому чиновники в столице в качестве «третейского судьи» могли вовремя получать сигналы о дисфункции отдельных ведомств и иметь повод лишний раз подвергнуть их ревизии.

Реальных шагов к объединению органов МВД сделано не было, кроме нивелирования прежних циркуляров и законов. Решение о придании офицерам ОКЖ званий инспекторов полицейской стражи (специализированных вооруженных команд, с 1903 г.) не распространялось на Сибирь до октября 1916 г. [37, с. 68]. Другая идея была выдвинута в 1908 г. комиссией по реформе полиции – переподчинение полиции жандармскому начальнику по должности вице-губернатора [33, с. 134]. Инициатива вызвала протест губернаторов (среди особо ярких был будущий иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев) и депутатов Думы. Поскольку парламентская Особая комиссия (1913 – 1916 гг.) не смогла представить свой пакет реформ [32, с. 386, 394], то вопрос об общем законодательном знаменателе для полиции и жандармерии так и остался неразрешенным.

Таким образом, мы можем заключить, что сотрудничество органов полиции и жандармерии складывалось трудно и постепенно. Главной сложностью в преодолении разобщенности было сохранение после незавершенных реформ 1880 – 1883 гг. разного статусного уровня и системы иерархии. Специфика сибирского региона накладывала отпечаток на динамику сотрудничества, несмотря на различные субъективные факторы: во-первых, большие пространства при малочисленных штатах; во-вторых, сохранение в регионе политической ссылки на протяжении всего исследуемого периода; в-третьих, медлительность процесса законодательных нововведений, сохранение генерал-губернаторской власти и наиболее продолжительное по времени функционирование института жандармского округа в Сибири. Комплекс этих проблем, а также позиция политического руководства страны не привели к формированию целостной региональной правоохранительной системы императорской России.

7. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1а.
8. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 26.
9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 46.
10. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 67.
11. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 69а.
12. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 85.
13. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 833.
14. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1431.
15. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1433.
16. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1824.
17. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 95.
18. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 102.
19. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 105.
20. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 72.
21. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2.
22. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 45.
23. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Ч. 16.
25. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 16.
26. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 80. Ч. 16.
27. Жандармы России. Политический розыск в России. XV – XX век / сост. В. С. Измозик. СПб.; М.: Нева, Олма-Пресс, 2002. 640 с.
28. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
29. Красноярск: от прошлого к будущему: очерки истории города / под ред. Г. Ф. Быкони и др. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.
30. Личев Р. И. Сотрудничество политической и общей полиции Тобольской губернии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 126 – 132.
31. Очур Р. В. Полиция России. Век XVIII – век XX. М.: Полиграфиздат; СПб.: Астель-СПб, 2010. 510 с.
32. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880 – 1917). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. 519 с.
33. Романов К. С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы первой мировой войны (1913 – 1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 274 с.
34. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке 87 статьи Основных Законов и позднейшими узаконениями. Неоф. изд. / ред. И. Д. Мордухай-Болтовский: в 16 т. СПб.: Печать Графического института, 1912.
35. Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3(11). (Серия: История).
36. Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М.: Принципус, 2013. 304 с.
37. Шитова Т. В. Создание в Сибири полицейской стражи // Вопросы истории и теории государства и права: сборник научных статей. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1999.

Информация об авторе:

Бакшт Дмитрий Алексеевич – аспирант 2 года обучения кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 8-913-595-22-74, baksht@mail.ru.

Dmitriy A. Baksht – post-graduate student at the Department of Russian History Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

(Научный руководитель: Вдовин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой музееведения Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

Research advisor: Alexander S. Vdovin – Candidate of History, Head of the Department of Museology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev).

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.